

Большой театр. — 1995. — апрель. — (N 7). — С. 18 — 10.

Марина ЛАПИНА,

лауреат Международного конкурса им. П.И. Чайковского

ДУША И ГОЛОС — ТОЛЬКО ВМЕСТЕ

— Марина, чем Вы сейчас живете и чем конкретно заняты?

— Делаю фондовые записи на радио, это для меня совершенно новое занятие и в профессиональном, и в практическом смысле. Необычайно высокие требования к певцу и к концертмейстеру. Материал накапливается буквально по крупинам. Порой эта работа просто лишает сил в психологическом смысле, новую энергию можно почерпнуть, только прослушивая уже записанное, и если убедишься в очень хорошем качестве.

— Вы уже нашли композиторов, о которых могли бы сказать — мой?

— Конечно, Чайковский. Каждая его партия для сопрано — драгоценность в музыкальном и драматическом смысле. Я спела Марию в “Мазепе”, правда, не на сцене Большого, Иоанну в “Орлеанской девице”, Лизу в “Пиковой даме”. Сейчас готовлю Иоланту и Татьяну. Каждый раз, занимаясь или слушая эту музыку, убеждаюсь в ее высочайшем совершенстве.

Из зарубежной литературы — “Реквием” Верди, может быть, как наиболее освоенное мной сочинение, я ведь его пела несколько раз в Москве, затем в Белграде, Екатеринбурге, Бишкеке и Уфе. Моеими партнерами были Архипова, Терентьева, Ломоносов, Соткилава, Крутиков, Пьявко, Минжилкиев.

— Есть мнение, что “Реквием” не просто музыка, а сложный многосоставный общеполитический поток. Как Вы его чувствуете?

— Это зависит от дирижера, кто как читает сочинение: месса, мистерия, ритуал и пр. У меня не просто ощущение “Реквиема” как музыки, а даже как оперы, с ариями, хоровыми кульминациями, напряженным и роскошным вокалом. А сюжет оперы — отождествление души с голосом. Очень просто, кажется. Но главная трудность в том, что и душа, и голос должны быть в единстве, одно другому не должно уступать.

Еще одна особенность, выделяющая “Реквием” Верди даже среди самых совершенных музыкальных творений. Канонические тексты в принципе статичны, но духовное движение, ими рожаемое, невозможно сравнить с остросюжетными оперными детективами. Скажем, музыка “Трубадура” или даже “Травиаты” адекватна, равна событиям, ее порождающим. В “Реквиеме” же такая бездна смысла, что его исполнение всегда захватывающее путешествие, великое блуждание, обретение путей и покоя.

— Ваш репертуар заметно расширился, удастся ли найти желанную гармонию, вдохновение на сцене Большого?

— На такую благословенную и ответственную сцену нельзя выйти без вдохновения. Другой вопрос — как и в чем черпать его. Мне

удается накопить это состояние в себе, потому что я очень люблю ту музыку, которую пою, а также потому, что процесс подготовки к спектаклю у меня очень длительный, я бы сказала чересчур. Репертуарный план таков, что мои спектакли очень редки, и я очень скупаю по сцене Большого театра. Я очень хочу надеяться на то, что когда-нибудь буду петь в театре гораздо чаще и что вдохновение не оставит меня.

— Ранимая природа большинства Ваших героинь совершенно не совпадает с личным характером Марины Лапиной. Ваше жизненное поведение и поступки, насколько я могу судить, скорее “из других опер”. Как в итоге складывается характер певицы, именно русской певицы, именно молодой, которая, помимо творчества, обязана как-то обустроиться в реальной жизни, многое преодолеть, со многим мириться, соглашаться?.. Словом, как она должна жить, чтобы состояться на сцене?

— На мой взгляд, профессия певицы не для слабых и нежных созданий. А, как Вы заметили, молодой, русской, я бы хотела еще добавить, поющей в России, в Большом театре первые партии, — особенно непросто.

На сцене я должна быть такой, как мне велит музыка. По типу моего голоса мои героини порывистые, чувствительные, влюбленные (Маргарита, Лиза, Татьяна, Сантуцца), но также очень сильные женщины (Иоанна, Ярославна, Турандот), однако чаще всего они очень несчастны. Я очень хочу быть счастливой и борюсь за свое счастье по своему разумению. Быть в образе своих героинь мне легко, все, что есть в их характере, есть и в моем, и мне очень приятно петь влюбленную слабую Лизу, но если я позволяю себе быть слабой в жизни, из этого ничего хорошего не получается.

Единственное, чем я не могу управлять (и чем очень в себе недовольна), это мои взрывные реакции на театральную действительность. Я мечтаю построить свои взаимоотношения с коллегами на профессиональной основе. Именно поэтому я после разнообразных театральных коллизий решила доказать свою профессиональную состоятельность на X Международном конкурсе имени Чайковского.

— И вам это, безусловно, удалось.

— Задача была сугубо внутренняя: проделать собственную профессиональную ревизию. Я была до того лауреатом конкурса имени Глинки. Он дал мне Большой театр. Но лауреатство устаревает, подумала я, и решила на новое испытание, хотя риск повысился, мне уже было что терять. Прежде всего репутацию ведущей, хотя и начинающей солистки Большого театра, уже спевшей четыре крупные партии.

Поэтому уровень я себе наметила сразу — высшая категория сложности: Абилай, Турандот, Катерина Измайлова, произведения Генделя, трудные романсы. Повторяю, мне было морально тяжело выступать в одном ряду со студентами консерватории, но я преодолела себя.

— Не заметить вас на конкурсе было невозможно...

— Но кому-то очень хотелось... Впрочем, жизнь все расставит по местам. Толпа, посещающая прослушивания и поджидающая распределения призов, конечно, не понимает всей насущности конкурса для профессионалов. Конкурс, во-первых, — это и подготовка к нему, то, чего никто не видит, а во-вторых, — это последствия, то, что действует значительно позже. Титул работает ровно месяц, а дальше, если ты хорошо поешь, его можно не объявлять перед своей фамилией. Люди сами должны вспомнить: ну как же, да ведь она лауреат. Бывает, вспоминают наоборот — неужели она лауреат?

Самую большую радость я испытала, когда меня поздравили коллеги в театре. Было лето, далеко не все оставались в Москве, но, оказывается, любители музыки следили за конкурсом. После второго тура звонил Александр Ломоносов, на прослушивания ходила Наталья Пустовая, а из Израиля позвонила Елена Брылева. А сколько поздравлений я получила, когда все мы после отпуска вернулись в театр!

— Марина, и конкурс, и премьеры в Большом уже ваше прошлое. Заглядываете ли вы в будущее?

— Готовлюсь к новым премьерам в Большом. Сейчас разучиваю несколько новых партий: Турандот, Иоланта, Татьяна, Аида. Должна буду исполнить их в ближайшее время. Работаю над новой концертной программой и готовлю компакт-диск.

Мне важно состояться в России, если хотите — сделать карьеру в России. Я свободна от желания работать на Западе. Там по отношению к русским певцам приняты дискриминационные законы. Я не могу петь за триста пятьдесят долларов в очередь с американкой, которая получает три тысячи пятьсот. Дело не в деньгах, они нужны, но занимают в моей жизни место подчиненное... но я не могу, мне мое достоинство не позволяет. Я знаю, что пою лучше, что у нас при нашем нищенстве и неустроенности профессионалы высочайшие.

Я выступаю за границей, но отношусь к этому спокойно, даже если имею успех. Как-то ко мне ринулись

там с комплиментом: вы же вагнеровская певица, вы знаете об этом? Нет, не знаю, может быть, — ответила я. А какой у вас репертуар в России? Я говорю: Рахманинов. Они не понимают. Начинаю рассказывать, что это великий русский композитор, умер в Америке... Нет, не знают образованные австрийцы... И опять: вы вагнеровская...

И сразу они мне не интересны с их восторгами. Зачем стремиться туда, где тебя рассматривают в связи с какими-то своими планами и расчетами. Да я лучше Лизу мою буду петь полторы тысячи раз и буду счастлива этим.

Беседу вел А. КОЛЕСНИКОВ
Фото А. Бражникова (ГАБТ-фото)

Маргарита ("ФАУСТ")

Марина Лапина — Ярославна
"Князь Игорь" А.Бородина
Фото А.Бражникова

